

Дискуссии

От редакции. В полемической статье И. Г. Широбокова подняты неоднозначные, требующие решения вопросы о научной этике при антропологическом изучении человеческих останков. Автор считает, что именно пример старых финских кладбищ мог бы послужить началом общественной дискуссии и диалогу профессионалов «об этике обращения с останками», в которых должны принять участие все заинтересованные стороны.

Научная статья

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

EDN: SHNBRT

УДК 572

Этнология, антропология и этнография

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ШИРОБОКОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела антропологии

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3555-7509; ivansmith@bk.ru

**СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ: ФИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ
КАК ИСТОЧНИК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ условий, при которых оказалось возможным изъятие человеческих останков из относительно недавних захоронений для проведения антропологических исследований и пополнения музейных коллекций. На примере раскопок карело-финского кладбища у поселка Куркиеки показано, как разрыв социальной преемственности, вызванный территориальными изменениями середины XX века, позволил антропологам применить к захоронениям логику работы с древним археологическим материалом. После возвращения потомков в постсоветский период краниологические и историко-антропологические исследования по-прежнему проводятся без обсуждения факта изъятия останков. Необходимо пересмотр сциентистской модели исследования, а также обсуждение институциональных механизмов взаимодействия с заинтересованными сообществами. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** профессиональная этика, физическая антропология, Северо-Восточная Европа

Д л я ц и т и р о в а н и я : Широбоков И. Г. Скелеты в шкафу: финское кладбище как источник антропологических данных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 6. С. 103–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

ВВЕДЕНИЕ

Формирование антропологических и анатомических коллекций в музеях и научных учреждениях Европы и Северной Америки в эпоху Нового времени происходило в условиях, когда интересы сообществ, останки предков которых извлекались из могил, систематически игнорировались. Анализ практик европейских физических антропологов XIX века показывает, что сбор краниологического материала был тесно связан с колониальными проектами и представлением о научном познании как о высшей цели. К концу XIX века сбор краниологических материалов стал стандартной практикой физических антропологов, применяемой ко всем доступным источникам – независимо от этнической принадлежности или времени захоронения [11]. Ситуация начала меняться лишь во второй половине XX века, когда движения за права коренных народов, изменения законодательства и рост этической рефлексии в академическом сообществе привели к пересмотру этих практик и разработке первых профессиональных этических кодексов [17], [18].

Именно давление общественности послужило толчком к дискуссии в среде европейских и американских антропологов о проблемах профессиональной этики при обращении с человеческими останками. Как показывает американский и британский опыт, разработка формализованных процедур оценки претензий и консультаций с заинтересованными группами позволяет если не разрешить, то, по крайней мере, артикулировать этические дилеммы [15], [17]. В российской практике, в условиях отсутствия формализованных механизмов участия заинтересованных сторон, эти вопросы остаются на периферии академического дискурса. Неслучайно взаимоотношения исследователей и общества, проблемы изучения, хранения и публичного выставления останков обсуждаются чаще всего на зарубежных примерах или примере «Алтайской принцессы» [3], [5], [16]. Общественный резонанс и вовлеченность региональных властей в решение судьбы пазырыкской мумии привлекли внимание к теме исследователей, как правило, игнорирующих более типичные для российской практики,

но не получившие при этом освещения в СМИ случаи этически сложного обращения с человеческими останками.

Для функционирования этических норм недостаточно самого наличия заинтересованных сторон – необходимы институциональные условия, обеспечивающие их видимость и участие. При их отсутствии исследовательские практики, типичные для XIX века, могут воспроизводиться и в настоящее время. Проблема заключается не в «аморальности» исследователей, а в ограниченности дисциплинарной оптики, в рамках которой человеческие останки фактически редуцируются к источнику данных. Рассмотренный далее кейс позволяет поставить вопрос о границах такой редукции и необходимости профессиональной саморефлексии: в какой мере антропологическая практика может оставаться замкнутой в собственных методологических основаниях, игнорируя социальное и мемориальное измерение объекта исследования.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

Показательным примером является история раскопок на старом карело-финском кладбище у поселка Куркиеки, расположенного в Лахденпохском районе Карелии. В XIX веке поселок входил в состав Великого княжества Финляндского, до 1940 года – в состав Финляндии. К этому времени в нем проживало около 10 000 человек. По итогам советско-финской войны (1941–1944) территория окончательно отошла к СССР, а финское население было эвакуировано. В результате разрывы социально-демографической преемственности захоронения финского населения оказались фактически «обезличенными» в институциональном поле: они не были защищены ни потомками (живущими теперь в Финляндии), ни местным населением (новыми жителями, для которых эти кладбища не имели семейной истории), ни региональными властями [14].

В 1986 году силами Североевропейского палеоантропологического отряда ЛО ИЭ АН СССР на территории Лахденпохского района Карелии проводились исследования финских кладбищ XVIII – начала XX века с целью получения данных об антропологическом облике (краниологической характеристике) населения Северо-Западного Приладожья. Руководителем отряда В. И. Хартановичем было принято решение провести раскопки погребений на заброшенном кладбище церковного прихода Куркиеки, на что было получено разрешение местного правления. У Куркиеки находятся три кладбища – «старое», «среднее» и «новое» (действующее). Раскопки проводились на территории «среднего» кладбища. В ходе работ было вскрыто около 150 могил довоенного

времени, из которых извлечены около 100 черепов. Большая часть вскрытых погребений не имела сохранившихся надмогильных сооружений, но в отдельных случаях раскапывались также могилы с надмогильными знаками (чугунными крестами и каменными плитами), содержащими имена и даты жизни умерших [7: 219]. Полученная краниологическая серия была зарегистрирована в музейном фонде Кунсткамеры (колл. № 6930)¹.

В послевоенное время старые финские кладбища часто воспринимались местными жителями как значимые топографические объекты, не требовавшие при посещении соблюдения каких-либо специальных норм и четко отделяемые от «своих» кладбищ [4]. В этих условиях антропологи приступили к работам, руководствуясь той же логикой, какой обычно руководствуются археологи при раскопках средневекового могильника. С изменением границ в советский период уход из региона финнов был воспринят как исчезновение заинтересованной стороны: кладбище представлялось заброшенным. Главенствующая сциентистская модель исследования не предполагает этической рефлексии, а у заинтересованных сторон не было возможности повлиять на действия антропологов.

Раскопки были частью масштабной исследовательской программы, направленной на решение проблем формирования антропологического состава различных этнических групп населения Северо-Восточной Европы [6]. К рубежу 1980–1990-х годов В. И. Хартановичем были собраны и введены в научный оборот множество краниологических серий, характеризующих этнолокальные группы карел, саамов Кольского полуострова, а также коми-зырян [7], [8], [9], [10]. Эти материалы позволили выявить специфический краниологический комплекс, характерный для карел, который резко отличал их от ближайших лингвистических родственников – финнов и эстонцев, и сближающий их с коми-зырянами [8], [9]. Все краниологические серии были получены из раскопок кладбищ XVIII – начала XX века. С одной стороны, близость к настоящему времени позволяла с уверенностью идентифицировать этнокультурную принадлежность останков. С другой – кладбища были недействующими ко времени проведения работ. Политика укрупнения деревень, вынужденное переселение жителей нередко приводили к разрыву связей с местами упокоения предков не только в среде финского, но также карельского и вепсского населения, хотя в этом случае границы не препятствовали посещению кладбищ.

Впрочем, кладбища не сохранили и следы посещений антропологов: раскопки проводились точно, а по окончании работ захоронениям возвращался первоначальный вид. Из могил отбирались исключительно черепа, тогда как ске-

леты оставлялись на месте захоронения. Такой избирательный подход (фактически извлечение образцов) также был обусловлен не этическими соображениями, а логикой исследовательской программы. Изучение палеопатологий, особенностей телосложения и других аспектов физического облика населения, требующих анализа полных скелетов, не входило в ее цели.

Проведение раскопок не было обусловлено несознательным пренебрежением антропологов к представителям прибалтийско-финских народов. Работы были нацелены на получение антропологических данных по тем этническим группам региона, которые были недостаточно представлены в собраниях российских музеев. К этому времени в фондах Кунсткамеры уже находились серии черепов русских из раскопок кладбищ Нового времени (Себежа, Старой Ладogi), а также черепа уроженцев различных губерний Европейской России, полученные в ходе препарирования не востребованных родственниками тел и относящиеся к началу XX века [12]. Скелетные останки всех этнических групп рассматривались как равноценные объекты изучения и при прочих равных условиях имели одинаковые шансы стать частью музейного фонда. Эта методологическая позиция характерна для советской антропологической школы, которая традиционно фокусировалась на краниологии как инструменте расогенетических и этногенетических реконструкций [1], [6], а также на научной критике расовых теорий, в том числе в музейном формате [2].

Уникальность случая Куркиеки заключается в том, что разрыв связей был временным. В постсоветское время финны вновь получили возможность посещать покинутые родные деревни и кладбища, совершать организованные экскурсии, ухаживать за военными мемориалами и местами погребений родственников [14]. В 1990-е годы старые финские кладбища и отдельные захоронения начали получать официальное признание объектов исторического наследия. Приказом Управления по охране объектов культурного наследия Республики Карелия от 06.03.2019 г. № 44 «Лютеранское кладбище XIX в. с фундаментом церковно-приходской школы» («среднее» кладбище Куркиеки) было включено в единый государственный реестр в качестве объекта культурного наследия регионального значения. Тот же статус получило и «старое» кладбище. С началом ностальгического туризма на территорию Приладожской Карелии финские кладбища приобрели статус местного достояния и в восприятии местных жителей [4]. Финскими и российскими энтузиастами ведутся работы по расчистке и документированию сохранившихся надгробий, восстановлению имен и дат, поиску архивных записей. Для потомков кладбище Куркиеки остается местом упокоения предков; им неизвестно, что останки некоторых их родственников стали частью музейных

фондов. Узкая направленность краниологических исследований, публикуемых преимущественно на русском языке, не способствует распространению этой информации.

Любопытно отметить, что эта разделенность информационного поля характерна и для академических работ. Публикации, посвященные физико-антропологическим исследованиям финского населения, и работы в области исторической антропологии, культурной географии и *memory studies* содержательно не касаются общих тем и не имеют перекрестных ссылок.

С одной стороны, существуют работы, в которых фигурирует краниологическая серия из Куркиеки, проанализированная в сугубо антропологическом ключе, как материал, имеющий важное значение для изучения проблем формирования антропологического состава населения региона. В соответствии с задачей исследователями используется технический, специализированный язык, язык статистики: человеческие останки представлены как объект антропологического анализа, лишенный биографий, социального контекста и эмоционального измерения [7]. Опубликованные краниометрические данные используются в качестве сравнительного материала, в том числе и зарубежными исследователями (например, [13]). Поскольку в отдельных случаях известны пол и возраст умерших, черепа были использованы не только в работах этногенетической направленности, но и – вместе с упоминавшейся выше серией черепов русских начала XX века – для тестирования точности ряда антропологических методик [12].

С другой стороны, существует корпус исследований, посвященных практикам памяти финских переселенцев: их паломничеству в Карелию, ритуалам поминовения, поиску родовых захоронений, эмоциональному опыту и «политике места» [4], [14] и др. Эти работы детально описывают, как бывшие жители и их потомки заново открывают для себя утраченные территории, ищут могилы предков, ухаживают за ними, устанавливают памятники и проводят поминальные церемонии. Авторы этих исследований не знают (или не упоминают), что часть останков с этих кладбищ была изъята антропологами и находится в музейных фондах.

Этот дисциплинарный разрыв – не случайность, а следствие институциональной организации науки, где физическая и культурная антропология продолжают развиваться изолированно друг от друга. Российские исследователи, работающие со скелетными останками, не соотносят свои данные с работами по практикам памяти, и наоборот. В результате случай Куркиеки остается «невидимым» сразу для обеих исследовательских традиций: его историческая важность очевидным образом недооценивается, потому что вообще не обсуждается в научном поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Случай Куркиеки – лишь один из примеров, иллюстрирующих общую закономерность: превращение человеческих останков в объект научных исследований становится возможным в ситуации ослабления или разрыва социальных связей между умершими и живыми сообществами. В XX веке такой разрыв часто оказывался следствием масштабных политических трансформаций. При отсутствии устойчивых акторов и механизмов внешнего контроля даже относительно недавние и маркированные погребения могут включаться в научный оборот в рамках той же логики, которой руководствовались исследователи XIX – начала XX века.

Проблемы этики в антропологии не могут быть сведены к разработке формальных норм. Необходим пересмотр самой исследовательской

оптики – признание того, что антропологический объект обладает одновременно научным, социальным и этическим измерениями. Как показывает история становления профессиональной этики в западной антропологии, подобный пересмотр редко происходит изнутри дисциплины: и в американской, и в европейской антропологии толчком к рефлексии послужило именно давление извне – движения за права коренных народов, изменения законодательства, общественный резонанс. В России формализованные механизмы такого давления отсутствуют, поэтому только открытое обсуждение проблемы, в том числе на страницах научных журналов, может способствовать становлению профессиональной этики антропологов, работающих с человеческими останками.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Автор выражает искреннюю признательность В. И. Хартановичу за участие в обсуждении текста статьи. По причинам этического характера его отношение к возможности публикации рассматриваемого случая имело ключевое значение для решения автора вынести его в поле публичного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
2. Балахонova Е. И. Расовый отдел Музея антропологии МГУ в 1930-х годах: к истории научной критики расовых теорий в советской музейной практике // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2026. № 2. С. 172–184. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-26-2-14
3. Жолудева Н. Р. К вопросу об общественной реакции на археологические открытия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 106–113.
4. Мельникова Е. А. Финские кладбища в России: кросс-границные группы памяти и новый моральный порядок // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 11–40.
5. Плетц Г., Соенов В. И., Константинов Н. А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2014. № 7 (19). С. 17–46.
6. Хартанович В. И. Древние и современные антропологические типы Северо-Западной России и Финноскандии // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 499–507.
7. Хартанович В. И. К краниологии населения Северо-Западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига: Зинатне, 1990. С. 216–229.
8. Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.
9. Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1991. Т. 44 (Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии). С. 108–125.
10. Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР (Сборник МАЭ, Т. 36). Л.: Наука, 1980. С. 35–47.
11. Широбоков И. Г. Об этических и культурных аспектах изучения останков человека // Вестник антропологии. 2025. Вып. 4. С. 300–313. DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313
12. Широбоков И. Г. Селективный подход к оценке возраста человека (на примере методов оценки облитерации швов черепа) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2. С. 147–158.
13. Allmäe R. Composition of urban population of Pärnu in the 16th–18th centuries // Papers on Anthropology. 2009. Vol. XVIII. P. 38–48.
14. Korjonen-Kuusipuro K., Kuusisto-Arponen A.-K. Emotional silences: The rituals of remembering the Finnish Karelia // Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe. (CFE Conference Papers Series; Vol. 5). (N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa, Eds.). Lund: Lund University, 2012. P. 109–126.
15. Mays S., Smith M. Ethical dimensions of reburial, retention and repatriation of archaeological human remains: A British perspective // Proceedings of the Ninth Annual Conference of the British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology. Oxford: Archaeopress, 2009. P. 107–117.
16. Pimenova K. From a museum of others to a museum of selves: repatriation, affective relations, and social values of archaeological human remains // HAU Journal of Ethnographic Theory. 2023. Vol. 13 (1). P. 159–178.
17. Schug G. R., Halcrow S. E., Cova C. de la. They are people too: The ethics of curation and use of human skeletal remains for teaching and research // American Journal of Biological Anthropology. 2025. P. 1–16.

18. Walker P. L. Bioarchaeological ethics: A historical perspective on the value of human remains // *Biological anthropology of the human skeleton*. (M. A. Katzenberg, S. R. Saunders, Eds.). Hoboken, NJ: Wiley, 2000. P. 3–39. DOI: 10.1002/9780470245842.ch1

Поступила в редакцию 13.07.2026; принята к публикации 04.09.2026; дата публикации 30.09.2026

Original article

Ivan G. Shirobokov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3555-7509; ivansmith@bk.ru

SKELETONS IN THE CLOSET: A FINNISH CEMETERY AS A SOURCE OF ANTHROPOLOGICAL DATA

Abstract. The article aims to analyze the conditions under which the removal of human remains from relatively recent burials became possible for the purposes of anthropological research and the expansion of museum collections. Drawing on the case of excavations at a Karelian-Finnish cemetery near the settlement of Kurkijoki, the study demonstrates how the rupture of social continuity, caused by the territorial changes of the mid-twentieth century, enabled anthropologists to apply to these burials the same logic used in the study of ancient archaeological material. Following the return of descendants in the post-Soviet period, craniological and historical-anthropological research has continued without addressing the fact of the removal of the remains. The case calls for a reconsideration of the scientific model of research, as well as for discussion of institutional mechanisms for engagement with stakeholder communities.

Key words: professional ethics, physical anthropology, Northeastern Europe

For citation: Shirobokov, I. G. Skeletons in the closet: a Finnish cemetery as a source of anthropological data. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(6):103–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1356

REFERENCES

1. Alekseev, V. P. The origin of the peoples of Eastern Europe (a craniological study). Moscow, 1969. 324 p. (In Russ.)
2. Balakhonova, E. I. The Racial Department of the Museum of Anthropology at Moscow State University in the 1930s: on the history of scientific criticism of racial theories in Soviet museum practice. *Lomonosov Journal of Anthropology*. 2026;2:172–184. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-26-2-14 (In Russ.)
3. Zholudeva, N. R. On the issue of public reaction to archaeological discoveries. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2015;13:106–113. (In Russ.)
4. Melnikova, E. A. Finnish cemeteries in Russia: cross-border groups of memory and the new moral order. *Forum for Anthropology and Culture*. 2019;43:11–40. DOI: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-11-40 (In Russ.)
5. Plets, G., Soenov, V. I., Konstantinov, N. A., Robinson, E. The international significance of the repatriation of the “Ukok Princess” (is Russian archaeology ready for dialogue with indigenous peoples?). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii*. 2014;7(19):17–46. (In Russ.)
6. Khartanovich, V. I. Ancient and modern anthropological types of Northwestern Russia and Fennoscandia. *Essays on historical geography. Northwestern Russia. Slavs and Finns*. St. Petersburg, 2001. P. 499–507. (In Russ.)
7. Khartanovich, V. I. A study in craniology of the population of the Northwestern Ladoga Region (XIX – early XX centuries). *Balts, Slavs, and the Baltic Finnic peoples. Ethnogenetic processes*. Riga, 1990. P. 216–229. (In Russ.)
8. Khartanovich, V. I. Craniology of the Karelians. *Anthropology of modern and ancient population of the European part of the USSR*. Leningrad, 1986. P. 63–120. (In Russ.)
9. Khartanovich, V. I. New materials on the craniology of the Komi-Zyryans. *Sbornik Museya antropologii i etnografii*. 1991;44:108–125. (In Russ.)
10. Khartanovich, V. I. New materials on the craniology of the Kola Peninsula Saami. *Issledovaniya po paleoantropologii i kranilogii SSSR (Sbornik MAE)*. 1980;36:35–47. (In Russ.)
11. Shirobokov, I. G. On the ethical and cultural aspects of studying human remains. *Herald of Anthropology*. 2025;4:300–313. DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313 (In Russ.)
12. Shirobokov, I. G. A selective approach to human age estimation: a case study of cranial closure methods. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2025;2:147–158. (In Russ.)
13. Allmäe, R. Composition of urban population of Pärnu in the 16th–18th centuries. *Papers on Anthropology*. 2009;XVIII:38–48.
14. Korjonen-Kuusipuro, K., Kuusisto-Arponen, A.-K. Emotional silences: The rituals of remembering the Finnish Karelia. *Painful pasts and useful memories. Remembering and forgetting in Europe*. (CFE Conference Papers Series; Vol. 5). (N. Bernsand, B. Tornquist-Plewa, Eds.). Lund, 2012. P. 109–126.
15. Mays, S., Smith, M. Ethical dimensions of reburial, retention and repatriation of archaeological human remains: A British perspective. *Proceedings of the Ninth Annual Conference of the British Association for Biological Anthropology and Osteoarchaeology*. Oxford, 2009. P. 107–117.
16. Pimenova, K. From a museum of Others to a museum of Selves: repatriation, affective relations, and social values of archaeological human remains. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2023;13(1):159–178.
17. Schug, G. R., Halcrow, S. E., Cova, C. de la. They are people too: The ethics of curation and use of human skeletal remains for teaching and research. *American Journal of Biological Anthropology*. 2025;1–16. DOI: 10.1002/ajpa.70013
18. Walker, P. L. Bioarchaeological ethics: A historical perspective on the value of human remains. *Biological anthropology of the human skeleton*. (M. A. Katzenberg, S. R. Saunders, Eds.). Hoboken, NJ, 2000. P. 3–39.

Received: 13 July 2026; accepted: 4 September 2026; published: 30 September 2026